

Департамент образования города Москвы
 Московский институт открытого образования

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ОКРУЖНОЙ ЭТАП
 2012-2013 учебный год

11 класс

	1	2	3	4	5	Итого
максимум	10	10	10	10	60	100 баллов
факт						

1. [10 баллов] *Чьи эти трамваи и троллейбусы? Из каких произведений взяты эти отрывки? Напишите имя автора и название произведения.*

фрагмент	автор	произведение
...не стал слушать попрошайку и ломачу регента, подбежал к турникету и взялся за него рукой. Повернув его, он уже собирался шагнуть на рельсы, как в лицо ему брызнул красный и белый свет: загорелась в стеклянном ящике надпись «Берегись трамвая!».		
Шёл я по улице незнакомой И вдруг услышал вороний гай, И звоны лютни, и дальние громы, Передо мною летел трамвай. Как я вскочил на его подножку, Было загадкою для меня, В воздухе огненную дорожку Он оставлял и при свете дня <...>		
Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать. Стою на площадке и люблюсь окружающей панорамой. <...> И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.		
Когда мне невмочь пересилить беду, когда подступает отчаянье, я в синий троллейбус сажусь на ходу, в последний, в случайный...		
В кабине нет шофёра, но троллейбус идёт, И мотор заржавел, но мы едем вперёд. Мы сидим не дыша, смотрим туда, Где на долю секунды показалась звезда. Мы молчим, но мы знаем, нам в этом помог Троллейбус, который идёт на восток. Троллейбус, который идёт на восток. Троллейбус, который...		

2. [10 баллов] *Как называется твёрдая форма стихотворного произведения, образец которой представлен ниже? Назовите эту форму и несколько формальных и содержательных её признаков.*

В мирах любви, — неверные кометы, —
 Закрыт нам путь проверенных орбит!
 Явь наших снов земля не истребит, —
 Полночных Солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещён в глубоких водах Леты
 Наш горький дух, и память нас томит.

В нас глеет боль внежизненных обид —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля — священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена, —
Тому в любви не радость встреч дана,
А тёмные восторги расставанья!

3. [10 баллов] *Узнайте русских поэтов.*

А. Он написал поэму, названную числительным, после опубликования которой многие перестали с ним здороваться. Перед вами фрагменты стихотворений, посвящённых ему:

У него глаза такие,

Имя твоё — птица в руке,

Что запомнить каждый должен,

Имя твоё — льдинка на языке.

Мне же лучше, осторожной,

Одно-единственное движение губ.

В них и вовсе не глядеть.

Имя твоё — пять букв...

Анна Ахматова, 1913

Марина Цветаева, 1916

Назовите его имя, отчество и фамилию, а также поэму.

Б. Этот поэт любил стихи Пастернака, считал, что Солженицын – «совершенно замечательный писатель», но как политик – «абсолютный нуль»; Бунин интересовал его в первую очередь как поэт, а о Шолохове он отзывался пренебрежительно. Несмотря на столь сложную систему отношений, он оказался с ними в одном ряду. Назовите его имя, отчество и фамилию. О каком ряде идёт речь?

4. [10 баллов]. *Представьте себе, что вы задумали написать антиутопию. Где и в какое время будет разворачиваться действие? По каким законам будет жить мир, который вы создадите? Какое положение в этом мире будет занимать ваш главный герой (героиня) и в чём будет состоять его главная задача? На чём будет основан основной конфликт вашего произведения? Опишите это в нескольких предложениях.*

5. [60 баллов] Выберите ОДНО из заданий.

I. Комплексный анализ эпического произведения

Сергей Николаевич Дурылин (1886 – 1954)

В БОГАДЕЛЬНЕ

Было совсем тихо. За спиной далеко шумел город, шумела нестройная, огромная и непонятная жизнь, а здесь, в стенах богадельни, было тихо, как перед дождём, чирикали воробьи, купаясь в красноватом песке, которым был густо усыпан двор богадельни, где-то под крышей ворковали голуби, да изредка из-за густой зелени маленького садика, густо поросшего жёлтыми акациями и сиренью, доносился монотонный, незвучный, старческий шёпот... Это говорили старики, жившие в богадельне.

После полуденного обеда, отдохнув часик в постелях, когда спадал жар, они медленными, неслышными шагами собирались из большого каменного корпуса в сад, и там, под кустами сирени и акаций, вели беззвучные, тихие речи о прожитой жизни, которая была где-то далеко, за стенами богадельни, которая давно ушла от них, оставив их здесь больными, скучными и никому не нужными, о милых и дорогих людях, которые умерли, и о всём, что когда-то заставляло их жить, волноваться, любить и страдать, а теперь невосвратно ушло от них, оставив лишь чистые морщины на их лицах и беспомощные, старческие слёзы, которые часто катились из их глаз...

Старики любили иногда, собравшись около грамотея в оловянных очках, послушать запоздалые новости из прошлогодней газеты, и тогда они пускались в политику, решая мудрёные вопросы, за нас «англичанка» или по-прежнему, хоть и умерла, а всё делает нам всякие пакости. Старики не любили, когда в газете говорилось о школах или библиотеках, которых было мало, но, когда речь шла о новом вооружении германской армии или о том, что генерал такой-то сказал там-то несколько угрожающих слов по адресу такого-то королевства, или что мсьё такой-то выдумал такой-то непроницаемый панцирь, – они решали, долго и серьёзно, сложный политический вопрос: может ли из этого выйти война или мир. Они привыкли так решать всё и всегда: они были когда-то солдатами, и так прошла их жизнь, мучительная и тупая, и все они ждали смерти, конца, в стенах военной богадельни, где каждый царский день их выстраивали в общей столовой, куда приходил старичок генерал, их начальник, и разбитым, старческим голосом кричал: «С праздником, ребята!», а они отвечали такими же старческими и разбитыми голосами: «Здравия желаем, ваше превосходительство!»

Нередко, после чтения газеты, один из стариков вскакивал неловко и торопливо со скамьи и палкой принимался чертить на песке план какого-нибудь бастиона или траншеи, где он сидел, поджидая «турка», сидел с сотней других, которые давно уже истлели зачем-то в неведомых полях далёкого Востока... И было странно видеть и слышать, как старый человек, с добрым, кротким лицом, под ясным небом с светлым солнцем, говорил о крови и войне, о сотнях убитых и тысячах раненых, об ужасе смерти, когда кругом чирикали воробьи, ворковали голуби, и было тихо, тихо... И казалось, что старик рассказывает старую, длинную, страшную сказку, и всё то, о чём он говорит, – эти груды тел, и свист пуль, и кровавый призрак смерти, который рыщет дни и ночи над прекрасной страной, отыскивая новые и новые жертвы, и эта кровь, и эти стоны – всё это было когда-то давно-давно, в незапамятные времена, а теперь есть только ясное небо, солнце, светлая и прекрасная жизнь, широкие зеленеющие поля и вечная, светлая правда любви и счастья... Но замолкал один старик, начинал другой, за ним – третий... – и всё тянулась та же страшная сказка, и не было видно её конца – только одни названия сменялись другими: турки – венгерцами, венгерцы – англичанами, и опять турками, а те – поляками, бухарцами, и опять, и опять турками, – и не было конца этой сказке...

А потом, утомившись и мирно прижавшись друг к другу, старики начинали тихую беседу, и опять доносился чуть слышный старческий шёпот. Старик, Иван Ефимыч, маленький и худой, улыбаясь одними дёснами, смотрел на кружившихся в небе голубей и замечал шутливо и мягко:

– Ишь вьётся, божья птица... А даве как дрались, славно, герои какие... Прямо в штыки норовит...

И он вытаскивал из кармана припасённые с обеда крошки белого хлеба и сыпал их на песок, скликавая голубей:

– Гуль, гуль, гуль...

Голуби слетались и, повёртываясь и беспокойно шевеля головками, клевали у ног стариков крошки хлеба.

Подходил к старикам тихо и осторожно, боясь спугнуть голубей, сторож Василий, парень в высоких сапогах и с серебряной серьгой в левом ухе, и одобрительно покачивал головой.

– Забавляетесь, кавалеры! Погода чудесная – оно и приятно. Все ли в добром здоровье?

– Живём помаленьку, – отвечал Иван Ефимыч.

– Погода не предвидится? – продолжал Василий.

– Замирение, брат, полное? – постукивая газетой о колено, объявляет Фёдор Потапыч, высокий и сухой старик с большим шрамом под левым глазом...

Василий не унимался:

– А как ежели теперь, к примеру, война... Нам, дядя Фёдор, вряд выстоять!

– Гм! – решает сумрачный и вечно охающий старик Михеев, потерявший руку в Крымскую кампанию, – против немца не выстоять! Против турка выстояли, «англичанке» от ворот поворот, французам задали, а против немца не выстоять! Потому у него Крупп... Там, братец, пушки в каждом, почитай, селе льют... Где ж нам эдакую артиллерию собрать?

Фёдор Потапыч, жестикулируя, вступает за честь России:

– Выстоим! – кричит он, – Не впервой! У них артиллерия – а у нас финансы! Они нас антирелией, а ты их – финансами!

Незнакомое слово, не встречавшееся в военном обиходе, производит впечатление, и спор решается в пользу России.

И старики, увлекаясь и разгорячась, опять пускаются в длинные рассказы о битвах и турках, о сотнях, тысячах, десятках тысяч убитых, забытых и раненых...

Вот Михеев, странно шевеля щетинистыми усами, фыркая, рассказывает, как он «приколол» турку, как этот самый «турка» проклятый спрятался за ложемент взятого укрепления, как он, Михеев, его заметил, и турка долго «звал» «Алу», «ихнего бога», и как он, Михеев, его «приколол» и как ему за это дело дали Георгия... Не успевает он кончить, как, перебивая его, начинает другой, Жмыхов, бойкий и юркий старичонка с гнилыми зубами, и, прибавляя к каждому слову: «друг ты мой» и «землячок», рассказывает длинную историю его походов в турецкой земле, и каждое из них, к его истинному удивлению, кончалось тем, что из «турка дух вон»... А Фёдор Потапыч рассказал короткую историю, как он в польскую кампанию пристрелил мужика («так, невеличонка и мужик-то был, да уж больно, каналья, метко целил»), а потом его семье все свои деньги и имущество походное отдал... – больно их жалко стало.

– Плачут, – объяснял он, – режут... Стон дома-то стоял, как принесли-то его, значит, мёртвого-то!.. Ребята малые – известно, ничего не понимают, что, как и к чему... Воют... Враг ведь он, знаю, враг, – а жалко... Во как жалко... Кажись, крест бы с себя снял – да отдал бы... А ничего не поделаешь: служба!

А другие говорили опять о сотнях и тысячах молодых жизней, которые никогда уже не увидят солнца и не узнают на земле ни счастья, ни правды, ни даже того, зачем, ради чего все они умерли.

Василий слушал внимательно и сочувственно, голуби клевали крошки хлеба у ног стариков, светило солнце, чуть слышно колыхались прозрачные тонкие ветви акации, и всё неслась старая, страшная сказка о бесчеловечной войне, об ужасной крови и смерти, и не верилось, что это не сказка, старая, забытая, а правда, что всё это в самом деле было, было недавно, и эти самые старики – убивали, и не раз, а много раз, и не знают, не понимают, что они – убийцы. И становилось страшно от этой простой и недавней правды.

II. Интерпретация лирического произведения.

Осип Мандельштам (1891 – 1938)

* * *

Гончарами велик остров синий –
Крит зелёный, – запёкся их дар
В землю звонкую: слышишь дельфиных
Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В ошастливленной обжигом глине,
И сосуда студёная власть
Раскололась на море и страсть.

Ты отдай мне моё, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожжённый сосуд.

Это было и пелось, синея,
Много за́долго до Одиссея,
До того, как еду и питьё
Называли «моя» и «моё».

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда
И летучая рыба – случайность
И вода, говорящая «да».

1937